

Менталитет башкир: особенности национального характера

В условиях глобальных изменений основ теоретико-методологической парадигмы всей системы гуманитарного знания в современной России одной из главных проблем исторических исследований становится менталитет. Относительно устойчивая практика научного изучения «mentalite» связана с творчеством представителей французской школы «Анналов». Новое направление превратилось в доминирующее в исторической науке Франции, в меньшей степени Великобритании и США, в последней трети XX в. Новый метод познания истории связан с именами Д. Филда, Ф. Броделя, Ж. Ле Гоффа, С. Московичи и др. Первые попытки интерпретации в российской исторической науке категории менталитета восходят к работам А.Я. Гуревича. В современной отечественной науке отсутствует целостная концепция менталитета, и выделяются, по меньшей мере, три направления по его изучению: анализ общественного сознания; культурологическое направление; историко-антропологические исследования. В башкирской историографии наиболее полно разработано культурологическое направление в изучении менталитета (Д.Ж. Валеев, З.Я. Рахматуллина, З.Ф. Рахматуллина). Отдельные аспекты историко-антропологического направления рассмотрены в работах историка А.З. Асфандиярова, этнографов Н.В. Бикбулатова, Ф.Ф. Фатыховой, З.Г. Аминова, филолога Р.А. Султангареевой.

Современная философская традиция дифференцирует дефиниции «менталитет» и «ментальность». В частности, под «менталитетом» понимается культурно-исторический феномен, отражающий (социально)- психологическую специфику и духовное состояние субъекта истории (личность, социум, этнос и т.п.). Менталитет – это, в сущности, картина мира, в которой отражаются все стороны человеческой жизнедеятельности. Трансляционными механизмами менталитета являются искусство, религия, мифология и др. А под категорией «ментальность» объединяются определенные универсальные базовые конструкты духовной жизни общества, формирующиеся в социокультурном пространстве в отдельные исторические периоды (например, первобытная эпоха, эпоха Возрождения, эпоха капитализма и т.д.). Эпоха, в которой живет индивид, налагает неизгладимый отпечаток на его мировосприятие, предоставляет ему строго определенные виды психических реакций и поведения. Одни и те же черты ментальности обнаруживаются как в коллективном сознании общественных групп, в частности этносов, так и в индивидуальном сознании и творчестве наиболее выдающихся представителей эпохи.

Каждой эпохе соответствует свой «дух времени». Этот «дух времени» немецкий философ Вальтер Шубарт (1897-1942) обозначил как эонический* архетип. Согласно его точке зрения «действие эонического архетипа превосходит рамки наций и рас. Он может охватывать целые континенты» [1, с.9]. Немецкий ученый выделяет в мировой истории четыре архетипа, которые сменяют друг друга и в зависимости от своего доминирования создают четыре прототипа людей: человека гармоничного, героического, аскетического и мессианского. «Они отличаются друг от друга, – по мнению В. Шубарта, – той жизненной установкой, которую люди принимают по отношению ко Вселенной». Четыре предложенных ученым архетипа определяются своими ключевыми установками: гармоничный – согласие с миром; героический – господство над миром; аскетический – бегство от мира; мессианский – освящение мира. Классическими характеристиками гармоничного человека, считал В. Шубарт, обладали гомеровские греки, китайцы эпохи Конфуция и христиане времен готики; героического – древние римляне, романские и

германские народы Нового времени; аскетического – индусы; мессианского – первые христиане и русские [1, с.13-14].

Характеризуя гармоничного человека, В. Шубарт писал, что он «воспринимает Вселенную как космос, одушевленный внутренней гармонией и не подлежащий человеческому управлению или упорядочению, а долженствующий быть лишь созерцаемым и любимым. Здесь нет и мысли об эволюции, а лишь полный покой – мир достиг своей цели» [1, с.13]. Именно такое «жизненное чувство» преобладает у кочевника. Земледелец «живет в постоянном страхе перед случайностями, в заботах о будущем, в вечной войне с сорняками, опасаясь града, морозов, засухи, наводнений». Кочевнику-скотоводу же «незнакомы тяготы оседлой жизни; он уверен в неиссякаемой питающей силе матери земли. Для него она не противник, как для землепашца, у которого он вырывает плоды своего труда, а мать, которая и милостива, и щедра». «С древних времен, – отмечает В. Шубарт, – народы скотоводов-кочевников имели мировоззренческое преимущество по сравнению с оседлыми племенами хлебопашцев. Внутренне не обеспокоенные заботами, кочевники имеют достаточно досуга, чтобы предаваться созерцанию. Так они постепенно становятся мечтателями, размышляющими над вечными вещами» [1, с.113].

Черты кочевой ментальности присутствовали и присутствуют до сих пор в менталитете башкир. Так, многие русские исследователи XVIII – XIX вв. отмечали у них такую черту характера как созерцательность. Например, в топографическом описании Уфимского наместничества, составленном неизвестным автором в 1788 г. о башкирах говорится следующее: «... полевая жизнь и прекрасные дни столько им любезны...». И далее ключевая фраза: «... верят в вечность существующего» [Цит. по: 2, с.37, 38].

При этом в оценках русских исследователей доминировало некое чувство превосходства. Они смотрели на башкир с точки зрения европейцев и воспринимали их созерцательное бездействие не как размышление о себе и обретение внутренней независимости, а как праздность или слабость. В частности, гражданский губернатор Оренбургской губернии в 1827-1835 гг. И.Л. Дебу описывая способы хозяйствования башкир, давал им следующую характеристику: «Башкирцы ... склонны к пчеловодству, тем более, что сей род занятия, не требуя особого ухода и надзора, доставляет им без хлопот большие выгоды и совершенно соответствует праздной и беззаботной их жизни» [Цит. по: 2, с. 54, 58].

Подобная «беззаботность» по теории В. Шубарта присуща человеку гармоничному, укорененному в вечности, только он «может беззаботно предаваться власти мгновенья». «Такой человек един со своей судьбой. Он не противится ей. ... он переносит тяготы судьбы, следуя и смиренно доверяясь ей» [1, с.112, 114]. Такие черты характера, по мнению одного из исследователей Башкирского края, врача и писателя В.М. Флоринского (1833-1899), были присущи башкирам. В своей статье «Башкирия и башкиры: Путевые заметки», вышедшей в 1874 г., он писал: «Сколько раз приходилось мне слышать их жалобы на стесненное положение, на явные обманы, особенно по поводу продажи земель и угодий. Пользуясь их простотой, у них покупали превосходные земли по полтине или по рублю за десятину, и им же отдавали эту землю, назначая ту же цену, как арендную плату в год. Башкиры поймут сделанную им глупость, сожалеют о своей простоте, но не злобствуют. То же самое относительно властей. Несмотря на самые крутые меры, предпринимаемые для их цивилизации, они совершенно безропотно подчинялись всем ломкам и нововведениям, несмотря на то, что совершенно не понимали и не признавали их пользы и значения» [Цит. по: 2, с.120].

То, что В.М. Флоринский называет «мерами для цивилизации» башкир, на самом деле было попыткой подчинения их мировосприятия, так называемой европейской «культуре норм». Вот как характеризует эту культуру В. Шубарт: «Европеец ищет порядок в себе – в виде самодисциплины, господства рассудка над влечениями; он ищет его и вокруг себя – в государственном устройстве, в виде господства авторитета над

гражданами» [1, с.116]. Совсем другое мироощущение присуще гармоничному архетипу, к которому мы относим башкир: «Большинство жизненных процессов протекало вне правовых рамок, регулируясь обычаем, основанным на доверии к внутренним обязательствам, а не на страхе перед наказанием со стороны государства» [1, с.117].

Приоритет обычного права перед российскими государственными законами был характерен для башкирского традиционного общества, где господствовала та модель человеческих отношений, которую в маргинальной социологии называют «общинной». Община, согласно определению В. Тернера, идентифицируется со сравнительно недифференцированным образованием, состоящим из людей, находящихся в состоянии братства, общности. Это состояние исключает развитое чувство индивидуального начала, то есть индивидуализм. Общение людей в границах общины предполагает равенство, предусматривает отсутствие собственности и агрессивного к ней отношения [3, с.364]. Такое определение в целом характеризует башкирскую родовую общину вплоть до конца XVIII в., юридического собственника вотчинной земли. Но названная социальная структура общества не была пережитком первобытнообщинного строя и социальным устройством, основанным на кровнородственных связях, как о ней писали в советской историографии. Родоплеменная структура общества была основой социального устройства всей кочевой и полукочевой цивилизации и представляла собой в сущности военно-административное, а не кровнородственное деление [4, с.31,32].

Общинная модель человеческих отношений делала востребованной и определенные черты характера членов общества. В качестве иллюстрации нашего тезиса можно привести отрывок из известного труда Н.Д. Никольского (1855-1918) «Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование». В 80-е гг. XIX в. Н.Д. Никольский служил земским врачом в Екатеринбургском уезде Пермской губернии и наблюдал жизнь северных и северо-восточных башкир. В своей книге он, в частности, отмечал, что между башкирами «не наблюдается крупных ссор, драк, буйства и т.п. Если и бывают какие-нибудь ссоры, более или менее крупные недоразумения, то таковыя большею частью разрешаются их муллами, решению которых спорящие почти всегда и подчиняются. Далее, при решении своих общественных вопросов башкиры не проявляют страстности или возбуждения, все у них ведется тихо. За разъяснением своих недоумений они, прежде всего, обращаются к мулле или к старикам. Последние, как и мулла, пользуются большим почетом и уважением со стороны своих соотчичей» [2, с.112].

В пользу присутствия в менталитете башкир определенных черт кочевой ментальности может служить ориентированность башкирского традиционного общества на экстенсивное развитие. Наш тезис опирается на теоретический конструкт российского культуролога И.Г. Яковенко, где понятия «экстенсивное» и «интенсивное» выходят за рамки сферы технологии и экономических отношений и являются характеристиками «отношения человека к природному и социальному универсуму». По мнению исследователя, «склонность к интенсивному или экстенсивному типу деятельности относится к базовым характеристикам социокультурного целого». Более того, считает ученый, можно говорить об экстенсивной или интенсивной модели развития. «Каждая из этих моделей характеризуется определенным отношением к миру и порождает базовый тип личности. Эти типы различаются ментальностью – структурой переживания себя-в-мире, типом осмысления встающих перед человеком проблем и характером решений этих проблем» [5, с.275].

Башкирское традиционное общество мы относим к экстенсивно ориентированным в силу совпадения его базовых характеристик с последними. Одной из основных категорий экстенсивной стратегии бытия является стремление к бесплатным (минимально оплаченным) ресурсам. Такое стремление может быть реализовано в условиях «ресурсной избыточности», когда пригодного для жизни человека пространства больше, чем людей. Ресурсная избыточность пастбищ для скота (до начала XVIII в.) обеспечивала башкирам должное функционирование характерного для них типа хозяйствования – полукочевое

яйляжного скотоводства, которое вкупе с лесными промыслами и охотой определяло экстенсивную стратегию их жизнедеятельности.

Экстенсивная или интенсивная ориентированность общества, его тип хозяйствования определяются, прежде всего, природно-климатическими условиями территории проживания этноса. Эти условия В. Шубарт называл духом ландшафта или земли. «Из духа земли вырастает душа народа, - писал ученый. Этот дух определяет его постоянные национальные качества... Силы почвы фундаментальнее и прочнее сил крови... Поэтому, проживая на одной и той же территории, чуждые расы становятся сходными, а родственные, обитая на разных землях, становятся непохожими» [1, с.19, 21]. В то же время, еще раз согласимся с В. Шубартом: «Часто именно победители подпадают под влияние сил, излучаемых чужой землей и возвращенной на ней культурой» [1, с.45]. Пример этногенеза башкирского народа как нельзя лучше подтверждает вышеприведенный тезис немецкого философа. На территорию Южного Урала издревле населенную ираноязычными сармато-аланскими племенами приходили и селились отдельные тюркоязычные племена (гунны, кыргызы, кыпчаки, теле и др.). Все они, перекипев в «этническом котле», становились башкирами. Но именно физико-географические условия Южного Урала определяли этногенетические параметры ядра башкирского этноса. Подтверждением нашего вывода, в частности, служит сохранившийся у башкир архаический эпос «Урал батыр». Канва его повествования, фон, на котором разворачиваются его сюжеты, не оставляют сомнений, что «картина мира» башкир сложилась на Урале. В пользу тезиса о том, что башкиры складывались как горный народ, говорят их песни и пляски. Даже недолгое соприкосновение с башкирским народным искусством не оставляет в том никаких сомнений.

Горы же, согласно теории В. Шубарта, порождают определенный человеческий тип. В горах каждая вершина и долина имеют свое название и свою индивидуальность. Это способствует, по мнению философа, укреплению в человеке самостоятельности и независимости [1, с.19, 20]. Русские исследователи Башкирского края одним из отличительных черт его коренного народа называли гостеприимство. Однако, как писал известный краевед Р.Г. Игнатъев, «ухаживая за гостем, даже важным, башкир не снисходит до низкопоклонства, заискивания и т.д., он сохраняет свое достоинство и держит себя независимо» [2, с.111]. Не допускает двусмысленности и характеристика, данная башкирам В.М. Флоринским. У них, по его мнению, «характерной чертой является их прирожденное чувство порядочности, привычка уважать в другом человеке его человеческую личность и сохранять таковое и в самом себе, редко доводя сознание собственного достоинства до высокомерия или нахальства» [2, с.112].

Для экстенсивно ориентированного общества типичен человек-интроверт, погруженный во внутренний мир. Это человек «восточного» типа (к которому мы относим и «гармоничного человека» В. Шубарта), оппонирующий человеку «западному» (в том числе «героическому человеку» В. Шубарта), ориентированному на деятельность, пользу, производство товаров и материальных ценностей. Для интровертов приоритетными являются вербальные элементы в традиционной культуре. Примером может служить широкое распространение у башкир устного народного творчества: эпосов, баитов (сказаний), легенд и преданий, сказок и др. Более того, вплоть до середины XX в. функционировал специальный институт сказителей (сәсәнов), которые сохраняли и распространяли древнейшие элементы духовной культуры башкир.

Интровертная ориентированность человека и социума предполагает также предпочтение гуманитарных знаний и наук в ущерб естественным и техническим. Конкретное выражение такая ориентированность получает в мотивах трудовой деятельности, в профессиональной ориентации и фиксируется, в частности, социологическими опросами. Например, результаты репрезентативных опросов, проведенных в 1999, 2000, 2002 гг. известным специалистом Л.М. Дробижевой,

показывают, что удельный вес производственной интеллигенции у русских в Башкортостане превышал более чем в 4 раза тот же показатель у башкир [6, с.673].

Подводя итог, необходимо сказать, что изучение менталитета башкирского народа имеет как научную, так и практическую значимость. Научная значимость, несомненно, связана с разрешением таких крупных проблем как этногенез башкир, социальная структура башкирского общества, духовная культура народа, этническая идентичность современных башкир и т.д. Практическая значимость выражается в том, что реализация политических и экономических целей государства, его стабильность невозможны без учета значимого социально-культурного разнообразия населения страны. Социально-культурное разнообразие, в свою очередь, невозможно отобразить без учета ментальных особенностей человека, народа, нации. Нет такой сферы жизнедеятельности социума и его членов, где бы не проявился присущий им менталитет.

Примечания:

* Эон (греч.) – век, эпоха, жизнь, вечность.

1. Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. – М., 2003.

2. Буканова Р.Г., Фешкин В.Н. Башкиры в трудах русских ученых и исследователей. – Уфа, 2007.

3. Хренов Н.А. Личность лиминарного типа как субъект российской цивилизации и институционализация ее картины мира в культуре // Пространства жизни субъекта: Единство и многомерность субъектнообразующей социальной эволюции. – М., 2004. С.347-458.

4. Азнабаев Б.А. Теория «кочевого феодализма» и социальное развитие башкирского общества в XVI – первой трети XVIII века // Панорама Евразии. – Уфа, 2008. № 1. С. 28-37.

5. Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ. – М., 2008.

6. Дробижева Л.М. Кому и зачем нужна федерация в России: политический и социально-психологический взгляд на проблему // Федерализм: российское и международное измерения (опыт сравнительного анализа). – Казань, 2004. С.671-678.